ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о мѣщанкѣ изъ ссыльныхъ

ЕКАТЕРИНѢ КОНСТАНТИНОВОЙ БРЕШКО-БРЕШКОВСКОЙ

и потомственномъ дворянинѣ

НИКОЛАѢ ВАСИЛЬЕВѢ ЧАЙКОВСКОМЪ

22-го сентября 1907 года Начальникомъ Симбирскаго Губернскаго Жандармскаго управленія были получены агентурныя свѣдѣнія о томъ, что въ городъ Симбирскъ пріѣхала выдающаяся революціонная дѣятельница, принадлежащая къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, извѣстная въ противоправительственныхъ кружкахъ подъ кличкой «бабушка», для присутствованія и руководительства на имѣвшемъ состояться въ городѣ Симбирскѣ, при содѣйствіи одного изъ членовъ мѣстной Симбирской организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ, «губернскомъ съѣздѣ крестьянъ». Въ виду такихъ свѣдѣній, за лицами, подозрѣвавшимися въ причастности къ организаціи этого съѣзда, было учреждено наблюденіе и, по установленіи ихъ взаимныхъ сношеній, былъ произведенъ рядъ обысковъ. Въ числѣ другихъ, 25-го того-же сентября былъ обысканъ и членъ Государственной Думы 2-го созыва, Зиминъ, на квартирѣ котораго была задержана неизвѣстная женщина, предъявившая паспортъ на имя Ардатовской мѣщанки, Елизаветы Васильевой Кочетковой и не пожелавшая давать никакихъ объясненій. Неизвѣстная эта оказалась въ дѣйствительности Екатериной Брешко-Брешковской.

22-го ноября того-же 1907 года по распоряженію С. Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія былъ арестованъ въ С. Петербургѣ на Финляндскомъ вокзалѣ при отъѣздѣ въ Финляндію извѣстный эмигрантъ, входившій въ составъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, Николай Васильевъ Чайковскій, отказавшійся при задержаніи открыть свое званіе. При личномъ осмотрѣ у Чайковскаго были, между прочимъ, обнаружены два паспорта: одинъ американскій, на имя гражданина Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Джона Шмидта и другой — безсрочная паспортная книжка, какъ выяснилось послѣ, подложная, выданная Гдовскимъ Городскимъ старостой 26 марта 1907 года за № 464 Гдовскому мѣщанину Никанору Павлову Никифорову, по которой Чайковскій и проживалъ.

На возникшемъ по сему дѣлу формальномъ дознаніи было установлено слѣдующее:

Первое выступленіе Чайковскаго на революціонномъ поприщѣ должно быть отнесено къ веснѣ 1869 года, когда имъ, въ числѣ другихъ, былъ образованъ кружокъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ подъ именемъ «Кружка Чайковцевъ». Цѣлью этого кружка, какъ она понималась его основателями, было созданіе среди интеллигенціи и, главнымъ образомъ, среди учащейся молодежи кадровъ «революціонно-соціалистической» партіи или, какъ чаще выражались тогда, «истинно-народной» партіи въ Россіи, послѣ чего предполагалось начать самую дѣятельную пропаганду среди крестьянъ и рабочихъ для подготовленія почвы для революціи. Для выполненія этой задачи первоначальными основателями кружка рѣшено было вести систематическую пропаганду среди учащейся молодежи, устраивать кружки самообразованія, землячества, и такъ называемыя коммуны, состоявшія изъ уже болѣе тѣсно связанныхъ между собою товарищей. Съ тою же цѣлью кружкомъ было начато такъ называемое «книжное дѣло», представлявшее собою, помимо непосредственно приносимой имъ пользы, одно изъ лучшихъ средствъ для сближенія съ молодежью на почвѣ чисто практическаго предпріятія и для быстраго расширенія связей, и заключавшееся въ распространеніи, какъ въ С. Петербургѣ, такъ и въ другихъ университетскихъ городахъ, хорошо подобранной тенденціозной легальной литературы, съ присоединеніемъ къ ней, по возможности, запрещенныхъ или изъятыхъ сочиненій. Книги эти распространялись по большей части въ кредитъ, причемъ кружокъ старался также о выработкѣ и принятіи всѣми кружками самообразованія одинаковой, въ общихъ чертахъ, программы чтеній и занятій, подготовляя такимъ путемъ цѣлое поколѣніе для будущей революціонной дѣятельности въ народѣ. Вскорѣ однако кружокъ сталъ стремиться придать своей дѣятельности болѣе революціонный характеръ и вывести ее изъ предѣловъ сравнительно замкнутой среды учащейся молодежи. Къ этому именно времени относится попытка кружка найти эту болѣе широкую и твердую почву въ земской средѣ, гдѣ кружокъ хотѣлъ убѣдиться въ возможности или невозможности воспользоваться земскими учрежденіями и земскими начинаніями въ чисто революціонныхъ цѣляхъ, т. е. имѣя въ виду найти тамъ удобную почву для веденія соціалистической пропаганды въ народѣ. Попытка эта, какъ удостовѣряютъ участники кружка, окончилась неудачей. Единственнымъ полезнымъ результатомъ этой попытки сближенія съ земствами было то, что въ нѣсколькихъ школахъ мѣста школьныхъ учителей, фельдшеровъ и фельдшерицъ были заняты своими людьми. Къ началу 1872 года кружокъ Чайковцевъ рѣшительно переходитъ къ своей окончательной программѣ: революціонной пропагандѣ среди С. Петербургскихъ рабочихъ, а затѣмъ и среди крестьянства. Что касается общаго характера той пропаганды, которая велась тогда среди С. Петербургскихъ рабочихъ, то прежде всего это было стремленіе передать дѣло рабочихъ въ ихъ собственныя руки. Такова была одна изъ главныхъ руководящихъ идей того времени. Тогда среди русскихъ революціонеровъ господствовало сильное предубѣжденіе противъ политическаго якобинства, противъ революціонной диктатуры,